

Георгий Чулков. Голос из могилы

Источник: "Новелла Серебряного века". Изд-во: Москва, "Терра", 1994.
OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 ноября 2003.
Оригинал здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)
Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

I

Весною 1650 года в одном из воскресных номеров Антверпенской газеты было напечатано: "В Швеции умер дурак, который говорил, что он может жить так долго, как он пожелает". Это был Декарт {1}. В сочинениях Христиана Гюйгенса {2} читатель найдет замечательное письмо философа к брату. Из этого письма я и заимствую мои сведения о статье Антверпенской газеты, появившейся два с половиной века тому назад.

1 Декарт Рене (1596-1650) - французский философ, физик, математик, апологет "рациональной культуры", которая сделает людей "господами природы".

2 Гюйгенс Христиан (1629-1695) - физик и астроном. Декарт был дружен со старшим братом Христиана - Константином.

Декарт, веривший в безусловное могущество разума, в самом деле охотно допускал мысль, что человек завоеует себе бессмертие здесь, на земле. Иные пылкие ученики его готовы были поверить в бессмертие своего учителя и весьма изумились, когда Декарт скончался.

Мои религиозные убеждения исключают веру в земное бессмертие, однако и я склонен думать, что человек может по произволу продлить жизнь свою собственную или кого-либо из иных людей. В конце концов страшный закон смерти восторжествует на земле, но борьба с этим законом и даже временная над ним победа возможна. Вопреки мнению Декарта, я думаю, однако, что сила, противоборствующая смерти, не есть наш верховный разум. Я верю, что эта тайная сила заключается в нашей воле.

Я знаю по опыту, как могут сочетаться души, и как они могут влиять друг на друга, и как это влияние переходит за грани внешнего мира.

Я прошу выслушать меня не только тех, кто склонен допустить существование миров иных, и тех, кто утверждает самоуверенно предельный агностицизм. Дело в том, что я сам скептик, милостивые государыни и милостивые государи. Но я умею скептически относиться решительно ко всему - даже к самому крайнему скептицизму. Вот почему я не восхищаюсь Пироном, который прошел равнодушно мимо попавшего случайно в яму Анаксарха {1}, полагая, что всякая видимость ничего не значит и что поэтому решительно все равно, протянет или не протянет он руку своему злополучному ученику. Как ни низко я ценю здравый смысл, однако при известных условиях необходимо пользоваться его указаниями. И это, надеюсь, примирит меня кое с кем.

Итак, я начинаю мое повествование о событиях моей жизни, о моей любви и о моих страданиях. Я любил мою жену, любил нежно и пламенно. И самое имя ее - Вера - звучало для меня как обетование райского света.

Мне так же трудно выразить мои благоговейные чувства, мое восхищение и мой восторг, как трудно определить словами прелестное очарование моей Веры. Никогда не встречал я женщины более искренней и правдивой, но никогда также не приходилось мне открывать в душе человека столько противоречий, острых и неожиданных.

Вера всегда оставалась собою - страстная и целомудренная, мудрая и наивная, строгая и добрая, жестокая и готовая пожертвовать своею жизнью и пойти на казнь без трепета и сомнений. Она была женственна, как земля, как вечная Ева, но в ее сердце звучали песни, занесенные в наш мир ангелами из голубой страны, где первоисточник предвечной гармонии. Однако она, по-видимому, вовсе не сознавала, что неземной свет сияет в ее глазах, и была привязана к земле безраздельно, как растение.